

Среди памятников I стиля большетарханское надгробие (табл. 12) выделяется своим куфическим шрифтом (1314 г.), хотя по конструкции текста оно очень сходно с только что приведенным. К этой же группе мы относим и обломок памятника, хранившегося в Книжной палате ТАССР (табл. 22). Приведенные тексты, хотя они и относятся к одному и тому же стилю, все же несколько отличны друг от друга по форме выражений и эпитетов. Так, текстам, написанным на новобулгарском языке, свойственны краткость и простота в характеристике личности покойника, а памятникам, написанным по-арабски — изысканные выражения и подробное перечисление нравственных достоинств умершего.

Эпитафии с подобного же рода текстами на арабском языке, относящиеся к XII—XIV в., в литературе отмечаются при описании памятников из Средней Азии.²² Нам кажется, что в противовес эпитафиям золотых дел мастера (табл. 15), *тамгачи* ‘сборщика податей’ (табл. 12) и Блюмшак-бека,²³ исполненных на новобулгарском языке, памятники на арабском языке главным образом принадлежали представителям духовенства, среди которых было много воспитанников медресе Хорезма и Бухары. Нет сомнения, что они, находясь под сильным влиянием традиций Средней Азии, придерживались их и на булгарской земле. Арабизмы же в их языке были не более чем жаргоном, подобно тому, как это наблюдалось среди татарского духовенства с конца XVIII до XX в. Представители последнего, так называемые *бухари-муллы*, т. е. также воспитанники бухарских медресе, любили щеголять арабскими словами, сильно пересыпая ими свою речь. Это мы видим также и на их надгробиях, почти целиком исполненных на арабском языке. К числу таких, например, относится надгробие (XIX в.) деда известного ученого-муллы Шигабутдина Марджани — муллы Багаутдина (с. Кшкар Тукаевского р-на ТАССР) — и многих других, а также самого Марджани (как известно, получившего образование в Бухаре) на казанском кладбище. Известный двухтомный труд этого автора по истории края²⁴ из-за обилия арабизмов трудно понять человеку, не знающему хотя бы элементарно арабский язык.

²² В. В. Бартольд. Сообщение о надгробии из Мазара Кишк-аулие в г. Аулие-Ата. Зап. Вост. отд. Русск. археолог. общ., т. XII, 1899, вып. 1, стр. V; М. М. Дьяконов. Несколько надписей на кайраках из Киргизии. Эпигр. Востока, II, М.—Л., 1948, стр. 9—13.

²³ И. Березин. Булгар на Волге, стр. 109.

²⁴ Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбāр фī ахvālī Kāzān vē Būlgār.

Типологически промежуточное место между памятниками I стиля и памятниками XV в. занимают два булгарские надгробия последней четверти XIV в. Это — найденные в 1945 г. надгробия из сел Ямашурма Высокогорского р-на, с датой 1382 г. (табл. 44), и Б. Ныры Тюлячинского р-на, 1399 г. (табл. 45).²⁵

Ямашурминский памятник по своему внешнему облику резко отличается от остальных надгробий I стиля. Довольно неискусно высеченный, с очень пологой ломаной аркой, с шестиконечной звездой под ней, он всем этим, а также примитивным врезанным шрифтом и конструкцией текста близко напоминает памятник XV в. Текст надписи сохранился плохо (см. табл. 44).

На примере этих двух надгробий мы убеждаемся в падении стиля булгарских надгробий в конце XIV в. Очевидно, это нужно объяснить в основном такими историческими событиями, как неоднократные военные удары, нанесенные булгарам со стороны феодалов Золотой Орды, особенно Булат-Тимура в 1361 г., а также русских князей и ушкуйников во второй половине XIV в. и в первой четверти XV в., вызвавшие коренные изменения во внутреннем устройстве Булгарского государства. „Булат Тимир, князь Ордынский, Булгары взял и все грады по Волзе и улусы поимал и отня весь Волжский путь“.²⁶ Про большой поход ушкуйников на Булгар в 1374 г. в Воскресенской летописи говорится: „Идоша на них Вяткою ушкунцы разбойницы, 90 ушкуев, и пограбеша Вятку, и им окупа 300 рублей...“.²⁷ Русские же летописи сообщают о взятии булгарских городов Булгара, Жукотина, Казани и Керменчука князем Юрием Дмитриевичем.²⁸

Несомненно, в связи с этими событиями нужно поставить малое число найденных надгробий за период с 1358 г. по конец XIV в. и полное отсутствие их от начала до 40-х годов XV в. Вообще, в силу указанных событий, в этот период отмечается падение всей культурно-экономической жизни Булгарии.

Из языковых особенностей памятников I стиля мы здесь должны отметить хорошо выраженное „йоканье“, например: *بَشْ يَكْتُلَارْ يَوزْ*. Кроме некоторых архаизмов —

²⁵ Г. В. Юсупов. Татарские эпиграфические памятники XV в., стр. 80.

²⁶ ПСРЛ, X, СПб., 1885, стр. 233.

²⁷ ПСРЛ, VIII, СПб., 1889, стр. 21.

²⁸ ПСРЛ, XI, СПб., 1897, стр. 164.

اعرلاغان (табл. 15), وکوش (табл. 12),²⁹ относящихся к начальному периоду XIV в., язык этот обнаруживает большое сходство с современным казанско-татарским.

.....
حاتون او تز بش ياشندا
وفات بولدى تىنكىرى رەھمەتى
بىرلا سۇنلۇرسۇن، امەمەن

В этой краткой выдержке из текста булгарской надписи 1328 г. (табл. 22) нет и сегодня ничего непонятного для татарина. Несколько архаичное **ع** (ныне употребляется в форме **لەن**) бытовало в литературном языке татар в конце XIX в. Форма **سۇنلۇرسۇن** ныне характерна для западного диалекта татарского языка, а в среднем диалекте употребляется в виде **سوينلرسون**.

Заканчивая суждение о языке памятников I стиля, следует сказать, что литературные памятники булгарского времени, в частности „Нахжд ал-Фарәйс“, „Киссә-и-Йүсүф“, написаны именно на этом языке.

* * *

Текст надписи почти всех памятников I стиля, за исключением некоторых переходного типа эпитафий (1382, 1399 гг.), исполнен рельефным шрифтом, более или менее однообразным, характерным для булгарских надгробий данного стиля; типичными в этом отношении являются памятники табл. 10, 22. Аккуратным исполнением отличается надпись памятника табл. 4, а надпись надгробия из б. Архиерейской дачи (табл. 2), ныне значительно выветрившаяся, некогда представляла собой изящный образец подобного типа почерка. Палеографически довольно небрежно исполнена надпись памятника табл. 15. Почерк эпитафии табл. 49, со стройными и аккуратными буквами, имеет несколько иной оттенок по сравнению с другими памятниками этого стиля.

Тройкое начертание имеет „алиф“ в надписях этого стиля: 1) он изображается с загнутым влево нижним концом (J), когда

²⁹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 355, 406.

помещен в начале слова; 2) иногда он бывает соединен с предшествующей лигатурой (فاطمة^ة الـ حـيـى) вместо فاطـةـ الـ حـيـى, ةـ فـاطـةـ الـ حـيـى; 3) характерно восьмеркообразное его начертание в конце слова (جـهـ). Типичным является сильно изогнутое и увеличенное написание конечного يـ, когда оно пишется отдельно. Много случаев соединения رـ с предыдущей лигатурой-رـ (табл. 4), что создает слитную систему вязи. В текстах немного знаков чтения, но часто традиционно ставятся точки под буквами رـ, وـ, يـ.

О большом сходстве почерка надгробий I стиля с надписью булгарского металлического зеркала мы уже говорили выше. Также следует отметить, что близким палеографическим аналогом булгарских эпитафий I стиля является надпись надгробия, датированного 608 г. хиджри (1212 г.), из Ташкентского музея, опубликованная М. Гартманом (№ 3),³⁰ где обнаруживается полное сходство в начертании букв لـ, دـ, يـ, رـ, وـ и др., а также и в самой конструкции текста. Да и вообще стилистически почерк на среднеазиатских надгробных надписях стоит очень близко к булгарским надгробиям этой группы, чего нельзя сказать о почерке надписей архитектурных памятников Средней Азии. Наличие куфического письма на памятниках I стиля — явление редкое, и то только в заглавной формуле под аркой.

Булгарские надгробия II стиля (XIII—XIV вв.)

Количественно памятников II стиля значительно больше, чем надгробий I стиля. Всего их известно более 200, в процентном отношении они составляют 90%.¹

Размеры по сравнению с I стилем имеют значительные вариации. Так, наряду с довольно большими памятниками [толщина 23, ширина 62.5, длина 225 см (табл. 7); толщина 24, ширина 73, длина 176 см (табл. 37); толщина 22, ширина 54, длина 182 см (табл. 14)] встречается много средних [толщина 18, ширина 50, длина 120 см (табл. 25)] и значительно меньших размеров [толщина 16, ширина 44, длина

³⁰ M. Hartmann. Archäologisches aus Russisch Turkistan. Orientalische Literaturzeitung. Berlin, 1906, 28—34, стр. 360.

¹ В этот приблизительный подсчет входят как известные по литературе памятники, так и те, которые зафиксированы на эстампажах, но полностью не сохранились.

86 см. (табл. 43); толщина 16, ширина 38, длина 50 см (табл. 42)]. Очевидно, различие в размерах памятников отчасти отражает различие в состоятельности покойников, большинство которых принадлежало к господствовавшему феодальному сословию. Маленький размера памятники (табл. 42, 43 и др.), надо полагать, принадлежали умершим малолетним детям правящего класса. Подобные надгробия на детских могилах с краткими надписями или с изображением цветка-тульпана (XVI в.) известны нам и из более поздних времен, вплоть до начала XX в.

По общим очертаниям памятники II стиля мало чем отличаются от надгробий I стиля. Преимущественно это те же прямоугольные плиты с вырезанной наверху стрельчатой или килевидной аркой с плечиками (рис. 4, 5). Правда, среди памятников II стиля есть и надгробия с остроконечным (табл. 1, 31) и полукруглым верхом (табл. 30, 34, 38), но их мы знаем немного. Значительно больше в этом стиле вариантов арок, сходных с арками I стиля (табл. 5, 42, 43). Есть арки с небольшой стрелой подъема, т. е. плоские (табл. 29), и ломаные (рис. 5).

Одним из основных отличительных признаков надгробий этого стиля является наличие под аркой, кроме единственного характерной для I стиля формулы **هُوَ الْحَمْدُ لِلّٰهِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِيمِ** (табл. 23, 30, 31, 43), орнаментальных мотивов, главным образом восьмилепестковых розеток (табл. 5, 7, 20, 24, 25, 37), и формул **بِسْمِ اللّٰهِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِيمِ** (табл. 40, 41, 42), **الْحَمْدُ لِلّٰهِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِيمِ** (табл. 32 и др.). Розетка всегда сочетается с какой-либо из этих формул или же с двумя формулами вместе (табл. 14, 28).

В основном орнамент тимпана сводится к двум разновидностям розетки: 1) восьмилепестковая розетка, 2) „солнце“, часто заключенное в круг. Встречается, хотя и редко, другого характера орнамент — пальметка и др.

Имеется несколько вариантов восьмилепестковых розеток. Наиболее простой вариант можно видеть на табл. 19 — это розетка с удлиненными заостренными лепестками, отходящими от центрального кружка, который рассечен крест-накрест на девять мелких клеток. Самой же распространенной является розетка, имеющая лепестки с продольными черточками — иногда одной, а чаще всего двумя. Центральный кружок розетки иногда имеет точку в середине или также представляет собой розеточку, образованную пересечением трех или более

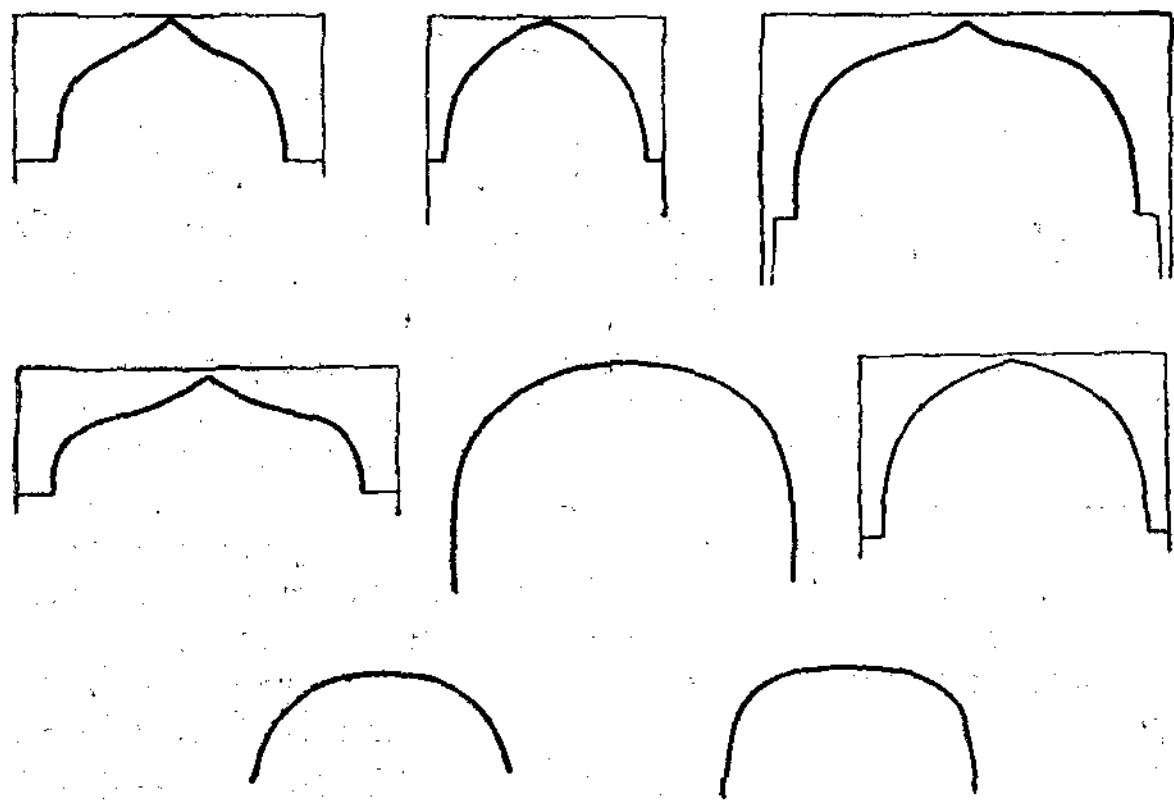

Рис. 4. Формы арок булгарских надгробий II стиля.

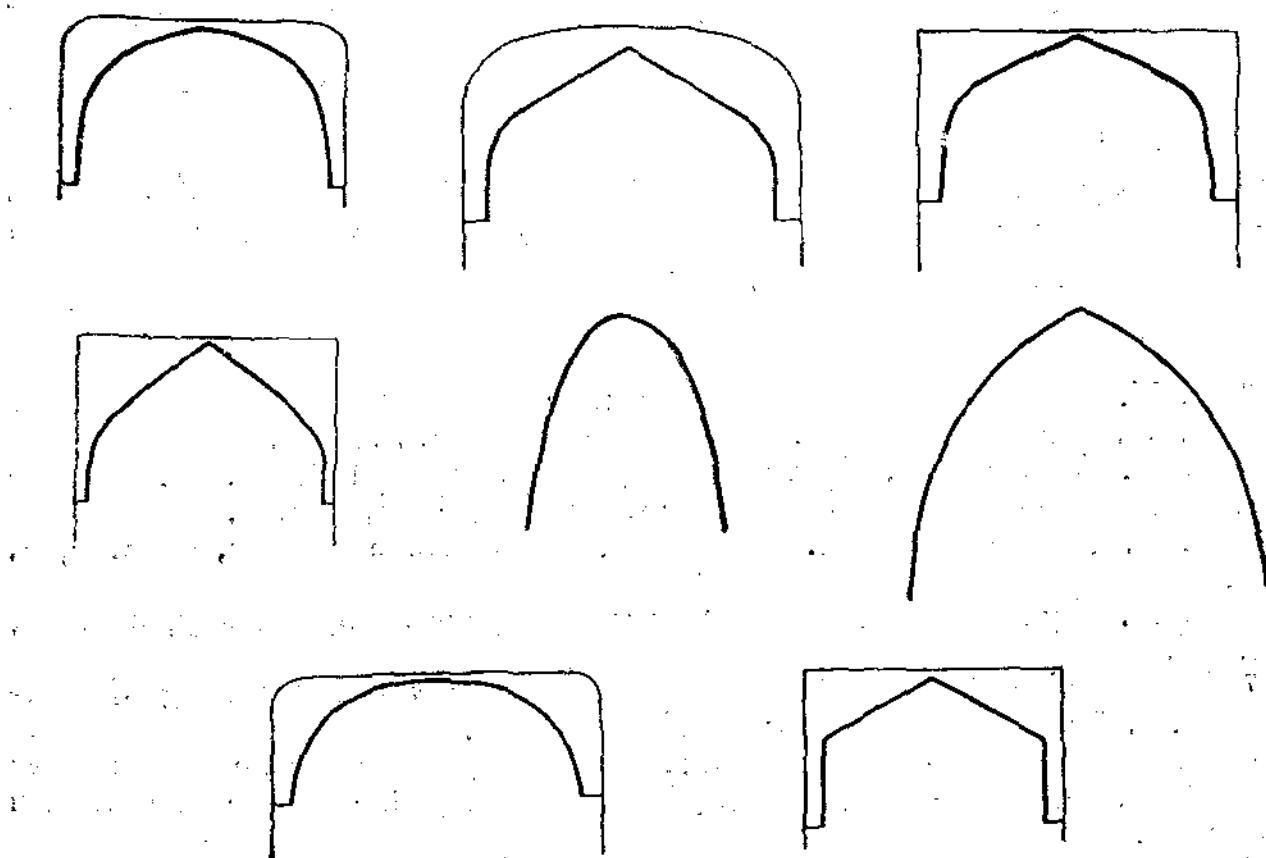

Рис. 5. Конфигурации верхней части булгарских надгробий II стиля.

линий (табл. 20). Редко между лепестками бывают вписаны сердцевидные фигурки (табл. 7). Редкие формы розеток (до 18 лепестков) мы видим на памятниках из Барско-Енарускино и Кирменского городища XIV в. (рис. 6).²

Вторую группу розеток — „солнце“ — мы видим на табл. 24, 25, 28 и др. Формой они оправдывают свое название. Так, орнамент одной плиты трактован настолько реалистично, что близко напоминает „изображение солнца в лучах“.³ На трех кирменских памятниках лучеобразные мелкие лепестки вписаны в плоский круг, составленный двумя концентрическими окружностями. Мотивы всевозможных розеток очень богато представлены в булгарском прикладном искусстве — на бытовых, ювелирных и других вещах,⁴ а также в позднейшем татарском народном искусстве — главным образом в вышивках.⁵ „Композиция примитивной розетки резного камня XIV века и рисунок гравировки ювелирного предмета XIX века, — отмечает П. М. Дульский, — типично иллюстрируют исторический путь одного и того же узора“.⁶

Мотив розетки обычен в искусстве многих народов. Восьмилепестковые розетки и „солнца“, подобные булгарским, мы находим в прикладном искусстве Средней Азии, Ирана,⁷ а также Азербайджана,⁸ где встречаются мотивы, близкие к мелколепестковой розетке-„солнцу“ памятников, изображенных на табл. 24, 25 и др.⁹

Следовательно, сюжеты розетки-„солнца“, являвшиеся преломлением древнейшей идеологии в искусстве земледельческих народов, в XIII—XIV вв., а также и раньше, были характерны и для булгар, как для народа достаточно старой земледельческой культуры. Именно этим социально-экономи-

² П. М. Дульский. Материалы по татарскому орнаменту, табл. III.

³ Н. И. Ильминский. Татарские надписи..., стр. 114.

⁴ А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 123; Н. Ф. Калинин. Булгарское искусство в металле. Казань, 1945, стр. 6.

⁵ П. Т. Сперанский. Татарский народный орнамент, табл. 6, 7, 9—25.

⁶ П. М. Дульский. Материалы по татарскому орнаменту, стр. 76, табл. III.

⁷ Josef Orbeli. Sasanian and Islamic Metallwork. A Survey of Persian Art, I. 1938. London—New York, стр. 743.

⁸ Фототека Отдела Востока Гос. эрмитажа, азербайджанские снимки №№ 1-7705, 1-7789, 1-7690, 1-2288, 1-7787 (надгробия из сел Маштаги и Нардаран).

⁹ Иногда на булгарских надгробиях XIV в. встречается и шестилепестковая розетка (надгробие из с. Б. Ошняк Рыбно-Слободского р-на ТАССР).

ческим моментом, по-видимому, нужно объяснить и наличие на большинстве булгарских надгробий II стиля так выразительно трактованной розетки-„солица“.

Из других видов орнамента тимпана надгробий отметим еще пальметку на памятнике из Ульяновской обл. (табл. 13), мотив которой мы находим в архитектурном украшении „Четыреугольника“ и Малого минарета в Булгаре.¹⁰

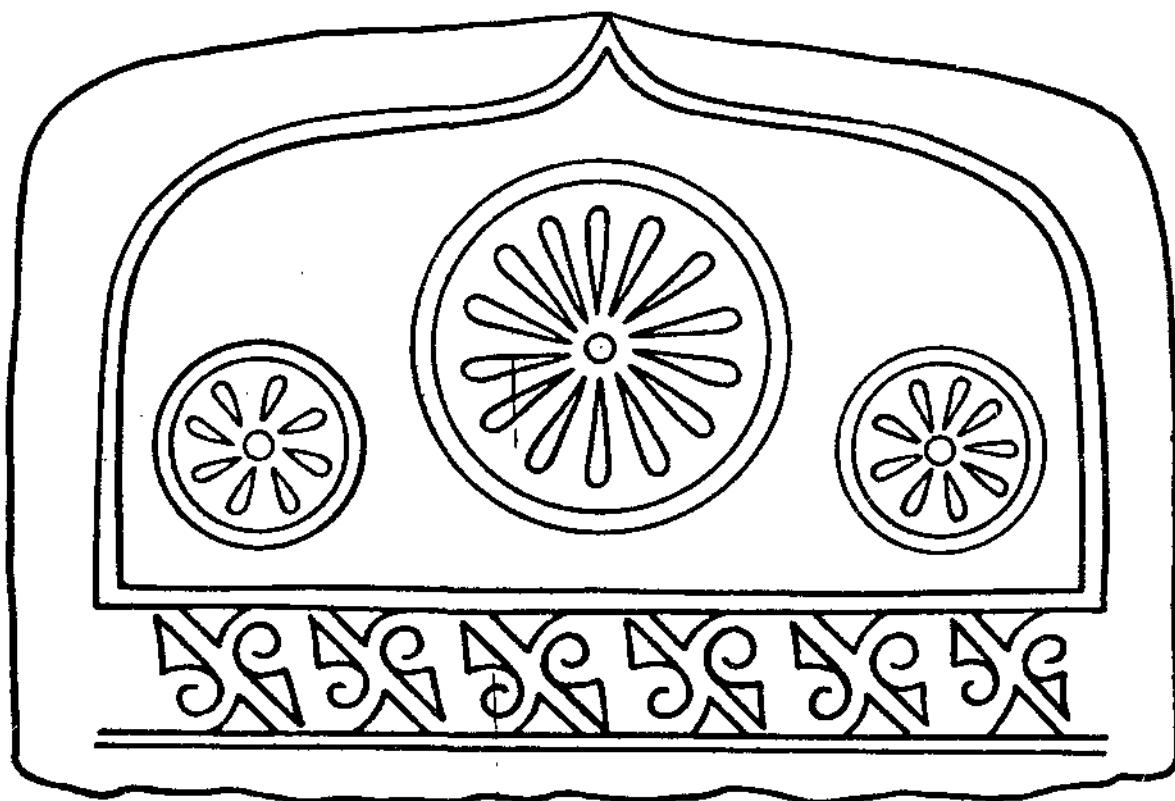

Рис. 6. Орнамент под аркой булгарского памятника с Кирменского городища.

Как и на памятниках I стиля, на некоторых надгробиях II стиля встречаются орнаментальные полосы, отделяющие текст от тимпана арки. По композиции своей они не имеют резких отличий от таковых I стиля; однако растительный орнамент здесь подчас трактуется несколько иначе (табл. 7, 23) — преимущественно виноградная лоза с трилистником.

В качестве третьей орнаментальной формы на надгробиях II стиля отмечено несколько случаев украшений орнаментом обратной стороны памятников. Например, можно отметить наличие только что описанной розетки на обломке надгробия из с. Тат. Азелей Нурлатского р-на (рис. 7).¹¹ Другие случаи

¹⁰ А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 204, табл. VIII, рис. 133; табл. X, рис. 135.

¹¹ Случай украшения обратной стороны памятника розеткой мы имеем и среди надгробий XVI в. (рис. 13).

Рис. 7. Орнамент на обратной стороне булгарского надгробия из с. Тат.
Азелей Нурлатского р-на ТАССР.

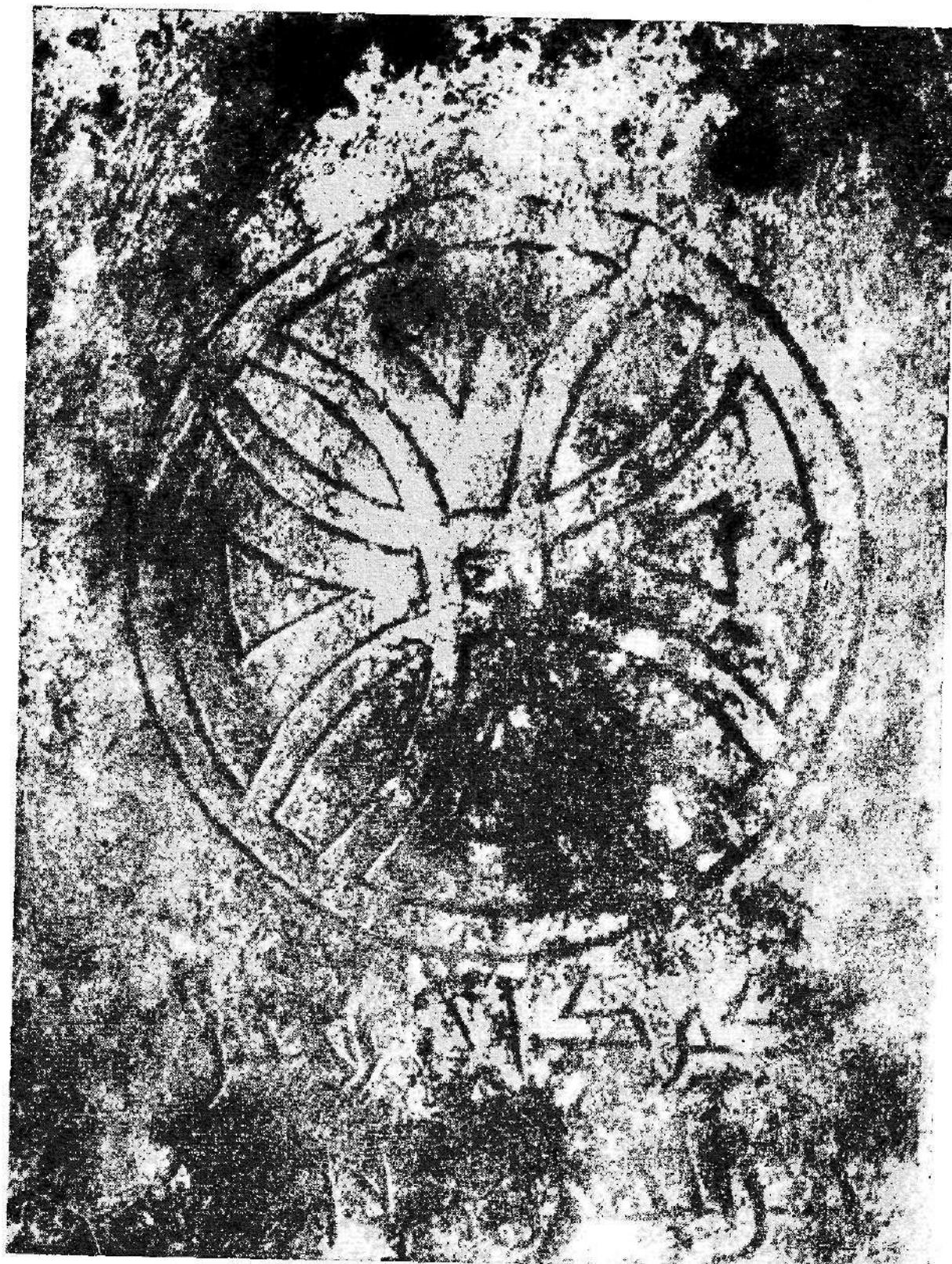

Рис. 8. Орнамент на обратной стороне памятника с Булгарского городища (XIV в.).

представлены орнаментом, состоящим из круга, в который вписаны четыре полукруглые полоски, пересекающиеся в центре. Кроме того, в одном случае между кругом и полоской имеются треугольники (рис. 8).

Близкие аналогии этому мотиву имеются на архивольте тимпана над входом в Хуналла-мечеть в с. Кубачи в Дагестане.¹² В древнерусском искусстве подобного рода узор встречается на литеиной форме браслета, найденного при раскопках в Киеве (XII в.).¹³

В обработке бордюра этих памятников и памятников I стиля существенных различий нет — то же обрамление текста рельефными полосками (табл. 20, 23); часто нет никакого бордюрного оформления (табл. 31, 32, 34). Однако имеется один памятник (табл. 25) с геометрическим орнаментом на бордюре. Из-за плохой сохранности надгробия трудно разглядеть этот орнамент, но все же общие контуры его уловимы. Представляет он собой цепочку маленьких параллелограммов, вписанных в бордюрную ленту, отделенных друг от друга наклонными черточками. Из близких орнаментов можно указать на бордюрные украшения надгробий из с. Маштаги Азербайджанской ССР (упомянуты выше — стр. 62) и города Ст. Крым (709 г. хиджри).¹⁴

Как и на памятниках I стиля, очень редки надписи на обратной и боковой сторонах надгробий. Пока мы знаем несколько случаев на памятниках из Булгар на копии с булгарской надписи, хранящейся в Научной библиотеке Казанского университета, — кстати, совершенно неразборчивой.¹⁵ Надпись на боковой стороне памятника (табл. 7), возможно, является самостоятельной эпитафией, следовательно под этим памятником можно предполагать погребение двух покойников — вероятно, матери и ребенка.

О языке булгарских надгробий II стиля

Для ознакомления с языком памятников II стиля укажем на ряд текстов надписей. Текст надгробия, найденного в с. Русск. Урмат Высокогорского р-на, см. в табл. 1. Па-

¹² А. С. Башкиров. Искусство Дагестана. М., 1931, стр. 17, табл. 9, рис. 4.

¹³ История культуры древней Руси, т. II. М.—Л., 1951, стр. 430, 431, рис. 213.

¹⁴ И. Н. Бороздин. Солхат. Новый Восток. М., 1926, № 13—14, стр. 279.

¹⁵ Отдел редких книг и восточных рукописей, № 5651.

мятник — очень примитивной работы с нехарактерным остроконечным верхом и испорченной врезанной куфической надписью — является пока самым древним из сохранившихся булгарских эпитафий (дата 1281 г.).

Текст изящно оформленного надгробия из Булгарского городища, написанный красивым рельефным полукуфическим шрифтом, см. в табл. 5. Памятник датируется 1294—1295 гг.

Наряду с древнебулгарскими числительными мы здесь имеем признаки новобулгарского языка (دُنْيَا رَانٌ). Слово دُنْيَا, встречающееся и на некоторых других памятниках II стиля, мы считаем термином социального характера, на чем остановимся ниже.

Текст надгробия, найденного в 1950 г. на Булгарском городище, исполненного почерком куфи, см. в табл. 7.

Надпись интересна наличием в ней этнического термина „тöркмän“ и вышеуказанного термина социального характера — دُنْيَا. Стока с датировкой памятника распилена, поэтому о дате можно судить лишь по конструкции текста, в частности по наличию формулы دادَهُنَاسْ بَابُ وَكُلُّ النَّاسِ، что характерно для булгарских надгробий II стиля конца XIII и начала XIV в.

Текст надгробия из древнего кладбища с. Б. Атрясы Апастовского р-на ТАССР, исследованного в 1949 г. археологической экспедицией КФАН, см. в табл. 23. Надписи памятников этого кладбища прочитаны А. Б. Булатовым.¹ Плита эта изящно оформлена, с надписью полукуфическим шрифтом, обильно снабженной знаками чтения и точками (дата — 1323 г.).

Текст надгробия с Кирменского кладбища (*Ханнар зиараты*) близ Кирменского городища см. в табл. 25² (дата — 1337 г.).

¹ А. Б. Булатов. Намогильные памятники Правобережья Волги. — Экспедицией зафиксированы только 8 строк этой надписи, остальные 4 строки с именем покойницы (شَيْتَ) добавлены нами из имеющейся с этого памятника копии, снятой „рукой азанчи д. Б. Атрясы на белой бумаге“. Копия эта, без указания времени снятия, хранится в Отделе редких книг и восточных рукописей Научной библиотеки Казанского университета за № 5651.

² Памятники этого кладбища впервые были обследованы Е. Т. Соловьевым. В 1925 г. кладбище обследовалось экспедицией проф. Н. И. Воробьева. В 1949 г. чтение надписей, эстампирование и фотографизация их были произведены автором этих строк (14 памятников). В 1955 г. кладбище исследовано Н. Ф. Калининым (произведено эстампирование и фотографизация надписей).

Особенностью этого надгробия нужно считать, как выше было указано (стр. 66), бордюрное украшение, пока единственное среди булгарских надгробий. Язык этого памятника в числовом содержит форму **جیات** вместо **جیل**, что имеет место,

кроме того, на эпитафии XIV в. из с. Дигитли Мамадышского р-на.

Текст надгробия, найденного в с. Ст. Ашит Тукаевского р-на ТАССР, см. в табл. 30 (дата — 1357 г.).

В языке этого памятника из далекой провинции Булгарского государства также обнаруживаются элементы новобулгарского языка. Написание числительного **جیات جور لا سکر** вместо **جیات جور ال سکر**, нужно полагать, исходит из палеографических особенностей, т. е. соединения в числительном **ال** „алифа“ (с загнутым влево нижним концом) с последующей буквой **ل**, отчего **ال** получилось в виде **ع**.³

Текст надгробия с кладбища с. Б. Атрясы Апастовского р-на ТАССР см. в табл. 41.⁴

Возможно, что слово **طاطر** (*tat̪ar*) в третьей строке текста нужно понимать как пережиточно сохранившееся племенное название, заимствованное булгарами от Золотой Орды, или же — и это скорее всего — мы в данном случае имеем надгробие золотоордынца. Что касается диакритической точки под **ل** в этом названии, то она может быть поставлена для того, „чтобы указать на звонкое чтение этой буквы“, как по поводу тетюшского камня замечает Н. И. Ашмарин.⁵ Подобный же случай мы имеем еще на булгарском надгробии из с. Ст. Ашит Тукаевского р-на ТАССР.⁶

Текст надгробия с Булгарского городища см. в табл. 42.

В чтении надписи имени покойника как **Мамли** мы не видим особенного затруднения. Ошибочность чтения его как **Сабли**⁷ вызвана плохой сохранностью второго „мим“, уцелевшая правая черточка которого, очевидно, была принята за зубчик буквы **م**, не имеющей здесь места. Имя **Мамли** мы видим и на другом надгробии из Булгар — **ابوبکر بواری اول**.

3 Г. В. Юсупов и Г. М. Хисамутдинов. Булгарские эпиграфические памятники XIV в...., стр. 72.

4 А. Б. Булатов. Намогильные памятники Правобережья Волги.

5 Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваши, стр. 82.

6 Г. В. Юсупов и Г. М. Хисамутдинов. Булгарские эпиграфические памятники XIV в...., стр. 71.

7 Альбом булгаро-татарской эпиграфики (в библ. КФАН СССР), памятник № 8.

ممل بوارى.⁸ Оно же имеет место в татарской топонимике — дер. Мамли Тукаевского р-на, — а также и в списке языческих имен чуваш.⁹

Текст надгробия из с. Атрясы Апастовского р-на ТАССР см. в табл. 20.

Имя покойного *أَطْرَاع*, как мы его читаем (Äтрäç), встречается еще на нескольких булгарских надгробиях (табл. 14). Интересно то, что имя покойного совпадает с названием татарского села Атрясы, около которого находится большое булгарское кладбище со множеством надгробий. Очевидно, факт этот нужно рассматривать как преемственность татар от булгар.

Не будучи достаточно компетентными, чтобы дать глубокий лингвистический анализ, все же несколько остановимся на языке памятников II стиля.

Из текстов надписей, как опубликованных, так и не опубликованных в печати, известно некоторое своеобразие языка булгарских надгробий II стиля. Условимся, что при рассмотрении языка этих памятников мы не будем принимать в расчет арабизмы в виде традиционных коранических формул, скорее всего относящихся к элементам типологии.

Главных особенностей в языке этих памятников мы различаем четыре: 1) джоканье, 2) наличие хронологических числительных, напоминающих, с одной стороны, чувашские, с другой — татарские, 3) двуязычность памятников, т. е. наличие наряду со своеобразными глагольными формами древне-булгарского языка элементов новобулгарского языка, 4) своеобразие некоторых глагольных форм и существительных.

Основное отличие языка памятников II стиля от языка памятников I стиля — джоканье — представлено словами

جَنَاحِلٌ || *جَنَاحِلٌ* || *جَنَاحِلٌ* || *جَنَاحِلٌ* (джäl, джäр || джëз, джайати, джирäm || джирим), которым в татарском языке ныне соответствуют: *джыл*, *джэз*, *джиде*, *джегерме* || *джирме*, *джегерем* || *джерем*.

Кроме того, на этих памятниках (табл. 23, 25, 33, 47 и др.) отмечены случаи замены фонемы ё фонемой є, что, очевидно, объясняется сильной степенью джоканья, с одной стороны,

⁸ И. Березин. Булгар на Волге, стр. 103.

⁹ В. К. Магницкий. Чувашские языческие имена. Казань, 1905, стр. 55.

и диалектальными особенностями булгарского языка, с другой. Примеры эти следующие:

ج ¹⁰	вместо	ات	'то было'
جِيَاجِ, جِيَاجِ, جِيَاجِ	вместо	جِيَاتِ	'семь'
زِيَارَاجِ	вместо	زِيَارَة	'место погребения', 'могила'

Пока таких случаев еще немного (около 15), преимущественно в материале из северо-восточных районов Закамья и Тюлячинско-Мамадышских районов Предкамья, т. е. из одного створа нижнего течения Камы.¹¹ Однако имеются они и на надгробиях Предволжья (табл. 23) и юго-запада Закамья.

Выразительным примером сильного джоканья в булгарском языке является почти неизменная форма написания на этих эпитафиях جال 'год', требующая исключительно звонкого произношения ڭ, фонетическое значение которого умалялось Н. И. Ашмарином, видевшим в этом звуке наиболее мягкий аффрикат Ҫ и сопоставлявшим со словом *джал* чувашское Ҫол, Ҫул.¹² В этом мы видим искусственную лингвистическую натяжку. Звук ڭ довольно выразительно произносится и в современном татарском языке, а также башкиро-татарским населением западных районов Башкирии: җыр, җырак, җил, җук, җыл (даже ڏونڻجا, которое у казанских татар произносится ڏونڻيا). Кстати говоря, булгарское слово جل, иногда встречающееся и в форме ڏل (җыл), в какой оно ныне бытует в языке казанских татар, почему-то В. Г. Егоровым и Н. А. Андреевым исключается из их языка и заменяется словом яшь в смысле „возраст“, что никак не может быть употреблено для обозначения календарного года.¹³

Широкие диалектологические исследования, проведенные в последние годы в ИЯЛИ КФАН СССР, показали большое

¹⁰ Замена ات — ج имеется на памятнике из с. Тяжбердино Куйбышевского р-на ТАССР, она приведена Г. Ахмаровым: История Булгарии, стр. 123.

¹¹ Села Ст. Ромашкино, Ислайкино Чистопольского р-на, Ср. Кирмени, Дигитли Мамадышского р-на, с. Кибя-Кози Тюлячинского р-на и др.

¹² Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваши, стр. 103.

¹³ В. Г. Егоров. Современный чувашский литературный язык, ч. I. Чебоксары, 1954, стр. 38; Н. А. Андреев. Чувашские порядковые числительные..., стр. 240.

распространение в языке казанских татар джокающего диалекта, локализованного в основном на территории Татарии.¹⁴ Наиболее сильно джоканье распространено в западных районах Татарии.

Второй особенностью языка памятников являются булгарские числительные, указывающие дату смерти покойника.

Для более ясного представления о них приведем их здесь:

Числа	Написание числительных на памятниках II стиля (варианты)	
	количественные	порядковые
1	بِير, بِر, بِر و أَكَّ	بِرْنَج اَكْشِ, اَكْنَشِ, اَكْشِ
2		وَجْ
3		تُوقَم, تُواطِم
4		بِيَلِمْ, بِيَالِمْ, بِلَجِ, بِلَجْ
5	بِش, بِل	بِلَجِ, بِلَنَجِ
6	الْطِ, الْطِ	الْطِيشِ, الْطِيشِ
7	جيَاتِ, جيَاتِ, جيَاة, جيَتِ جَتِي, جيَاجِ, جَجا, جَيْجِ	جيَاشِ
8	سَكَرِ, سَكَرِ	
9	طَحُورِ, طَحُورِ	
10	وَنِ, وَانِ	وَانِم
12		وَانِم اَكْشِ
14		وَانِ تُوقَم, وَانِ تُواطِم
15		وَنِ بِيَلِم
16		وَانِ الطِيشِ, وَانِ الطِيشِ
18	وَانِ سَكَرِ, وَنِ سَكَرِ	
19	وَنِ طَحُورِ, وَانِ طَحُورِ	وَانِ طَحُورِ
20	جيَرمِ, جَرِيمِ, جَرمِ, جِيرِمِ	جيَرمِيشِ, جِيارِمِيشِ جيَارِمِيشِ
22		جيَرمِ اَكْشِ, جِيرِمِه اَكْشِ
23		جيَرمِ وجِم

¹⁴ А. З а л я й. К вопросу о происхождении татар Поволжья..., стр. 82.

Числа	Написание числительных на памятниках II стиля (варианты)	
	количественные	порядковые
24		جِيَرْمُ تِوَاقِمْ
25		جِيَرْمُ بِيَالِمْ
27	جِيَرْمُ جِيَاتِ	
28	جِيَرْمُ سَكَرْ، جِرْمُ سَكَرْ	
30	وَطَرْ	
33		وَطَرْ وَجْمْ
37		وَطَرْ جِيَاتِشْ
38	وَطَرْ سَكَرْ	
40	جِرْخُ حِرْجُ	
41	جِرْخُ بِرْوُ	
49	حِرْجُ طَحْرُ	
51	الْ بِرْ	
52	الْ أَكْ	
53		الْ وَجْمْ
56		الْ الطِيَشْ
58	الْ سَكَرْ، الْ وَسَكَرْ	
59	الْ طَحْرُ	
80	سَكَرْ وَانْ	
90	طَحْرُونْ، طَحْرُوَانْ	طَحْرُوَانِمْ
100	جِوزْ، جِرْ، جِورْ	
600	الْ طِ جِوزْ، الْ طِ جِورْ	
700	جيَتْ جِورْ، جِيَعْ جِورْ، جِيَاتِ	
	جِورْ ¹⁵ جِيَاتِ جِورْ	

Как видим, для приведенных числительных характерны две особенности.

Во-первых, отмечается аналитическая форма в образовании сложных числительных

¹⁵ Пропущенные здесь числа пока на памятниках не обнаружены.

سکروان (татарское *сиксан* '80)
طحروان (татарское *тухсан* '90)

наподобие чувашского *тухванн*¹⁶ или ойротского *тугузон*¹⁷ и др.

В дате часто встречаются числительные в количественной форме вместо порядковой:

جیات جور جرم سکر جال
جیات جور جیرم جال
جیات جور ال آک جال
جیات جور ال الو سکر جال
جیات جور ال سکر جال ذوالقعد وان سکر کوان ات جیات کوان
ات

Во-вторых, нередко мы имеем и порядковые числительные, образованные при помощи аффикса *m*:

Количественные	Порядковые
'три' وج	'третий' وجم
'четыре' توات	'четвертый' تواتم
18 'пять' بیال	'пятый' بیالم
'семь' جیات	'седьмой' جیاتم
'восемь' سکر	'восьмой' سکرم
'девять' طحر	'девятый' طحرم
'десять' وان	'десятый' وانم

Но часто порядковые числительные образованы суффиксами نش, ش.

جیات جور جیار منش جال	'семьсот двадцатый год'
جیات جور جرم آکنش جال	'семьсот двадцать второй год'
جیات جور وطر جیانш جال	'семьсот тридцать седьмой год'
جیات جور وان الطش جال	'семьсот шестнадцатый год'
جیات جور جیار منش جال	'семьсот двадцатый год'

¹⁶ В. Г. Егоров. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1935, стр. 703.

¹⁷ Н. А. Баскаков, Т. М. Тощакова. Ойротско-русский словарь. М., 1947, стр. 150.

¹⁸ Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваши, стр. 92.

Из последних примеров видно, что аффикс *نى* близко напоминает аффикс *нч* татарских числительных.¹⁹

Редуцированный вариант этого аффикса *ڇ*, характерного для чувашских порядковых числительных, напоминает известную для говора Заказанья форму притяжательных местоимений с пропуском *ه*, где вместо *بَيْنَهُ*, *مِنْهُكَ* соответственно говорят *بَيْنَ*, *مِنْهُنَ*.²⁰

В некоторых тюркских языках, например в каракалпакском, мы подобный аффикс *نى* видим и сейчас: *екинши*, *алтынши*, *он алтынши*, *жетинши*, *жирминши*²¹ и др.

Кроме того, в образовании числительных участвует аффикс *نچ*, как в языке памятников I стиля — أون الطنج، ربعل احرأبع بربنج كن اع (табл. 12), так и II стиля — كون اردى (табл. 47), شعبان ابع بلنج كوان ات (табл. 3).

По форме числительные эти тождественны с числительными из памятника Кюль-Тегину, как *toqzulpč*, *töqtönč*.²² Но самое важное то, что эта форма образования порядковых числительных утвердилась впоследствии в татарском языке: بىشى، بىنى ‘первый’, ‘пятый’. Поэтому будет не совсем справедливым утверждение Н. А. Андреева, что „татарский язык не воспринял форм булгарских порядковых числительных“.²³ А наличие чередования звуков *ر* || *ز* в языке казанских татар (см. ниже) дает основание предполагать в прошлом бытование у них и числительных, оканчивавшихся на *ر*. Например, подставив в طور، وطّر, جور корреспондирующий звук *ز*,

¹⁹ Мы не согласны с Х. Фейхзановым в чтении первого слова из восьмой строки надгробия № 2 в его труде „Три надгробных булгарских надписи“ (стр. 401) — اكتنج ‘второй’, мы читаем его دلنج ‘пятый’. Неправильное чтение приведено и Н. И. Ашмаринным (Болгары и чуваши, стр. 90), который транскрибирует его также اكتنج. Вслед за ним это ошибочно прочитанное числительное фигурирует и в таблице: О. Pritsak. Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. Wiesbaden. 1955, стр. 78.

²⁰ Н. Б. Бурганова. Языковые особенности каринских и глазовских татар. Казань, 1953. (Автореферат канд. диссертации).

²¹ Н. А. Баскаков, С. Б. Бекназаров, У. Н. Кожуров. Русско-каракалпакский словарь. М., 1947, стр. 108, 810, 159.

²² С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 33, 433.

²³ Н. А. Андреев. Чувашские порядковые числительные..., стр. 245.

получим طجز (тохоз || токоз), وطنز (отоз), جوز (жёз), причем последнее, как указано выше, в таком написании (جوز) встречается на эпитафиях II стиля.

Так же обстоит дело с числительным, оканчивающимся на ل—ل (‘пять’), соответствующим بش в татарском языке, где также известно чередование ل—ش (камыл — камыш). Редуцированным вариантом порядковых числительных с аффиксом نـ (ни) являются числительные, часто встречающиеся на эпитафиях в виде بـلـع—بلـع (‘пятый’, от لـ)، но неправильно транскрибируемые многими — беледж, а не белчи, как их следует транскрибировать. Таким образом, мы здесь видим чередование звуков ч — ш в образовании булгарских порядковых числительных, что, по-видимому, следует объяснить диалектальным явлением в булгарском языке — так же, как употребление в нем аффикса m. Характерно чередование звуков ч и ш в диалектах татарского языка (чык — шык, чүкеч — чүкеш и др.), особенно на окраине их расселения, например у парангинских татар.²⁴ Все это, кажется, делает возможным для татарского языка и образование порядковых числительных с помощью аффиксов نـ и شـ (которых мы пока не знаем), соответствующих نـ и شـ булгарских числительных الطنج بلـع (بلـع) (برنج) и современных (беренче, бишенче, алтынчи).

Из сопоставления некоторых булгарских числительных с татарскими получим следующее звуковое соответствие:

Булгарский	Татарский
ر (جور)	ڙ (جوز)
ل (بل, بيمال)	ش (بـش)
ح (حرح)	ق (قرق)
ت (توات)	د (دورت)
و (وج)	او (اوچ)
ون — وان (وان)	او (اون)

В свете этих чередований нельзя не остановиться здесь на следующем: в топонимике ТАССР мы имеем ряд названий

²⁴ Л. Залай. Татарская диалектология. Казань, 1947, стр. 30. (На татарском языке).

сел, оканчивающихся частицей *ширма*, — Орымширма, Икширма, Караширма, Яуширма (*Джаужирма*), Ямаширма.²⁵ Смысл этой частицы становится ясным из названия деревни Шуширма, данного по названию протекающей здесь речушки. Село и речушка называются еще по-иному — Баллы *ширмä*, т. е. Медовая ширмä. Из смысла *Баллы* вытекает и значение частицы *ширмä* 'речушка', 'ручей', соответствующее, очевидно, чишмä в современном татарском языке. Таким образом, в данном случае мы имеем соответствие звуков ч || ш и ш || р.

Небезынтересно также отметить то, что *Джауширма* (Чистопольский р-н ТАССР)²⁶ есть и название той речки *Джаушиз*, или *Джаушыр* (пишется и з и р), где во время своего путешествия побывал Ибн-Фадлан.²⁷

Фонетические переходы звуков в тюркских языках — явление общеизвестное, объясняющееся, очевидно, древними историческими корнями их. Было бы большой ошибкой, если бы только по этому признаку, т. е. по несоответствию булгарских звуков звукам современного татарского языка, мы рассматривали эти языки изолированно друг от друга, как сделали сторонники теории булгарского происхождения чуваш.

В татарской диалектологии, как в зеркале, отражаются все эти кажущиеся на первый взгляд загадочными стороны булгарского языка, например корреспонденция звуков р и з, бытующая и ныне в татарском языке (хотя и не в числительных).

Это мы видим из следующих слов:

<i>яткызу</i>	— <i>яткыру</i>	'уложить'
<i>котказу</i>	— <i>коткару</i>	'спасать'
<i>менгезү</i>	— <i>менгерү</i>	'поднимать'
<i>сöзү</i>	— <i>сöрү</i>	'ловля рыбы бреднем'
<i>белгезү</i>	— <i>белдерү</i> ²⁸	'оповестить'
<i>кигезү</i>	— <i>киертү</i> ²⁸	'одевать'
<i>салгызу</i>	— <i>салдыру</i>	'раздевать'

²⁵ Село это находится на реке Ямашурминке или, иначе, Яшурме, Ящерме. См.: И. А. Износко в. Список населенных мест Казанского уезда. Казань, 1855, стр. 2, 8 (Собакинская и Чепчуговская волости). На кладбище села имеются надгробия XIV и XVI вв. На карте ТАССР название это пишется „Ямашурма“.

²⁶ Ныне с. Кутлушкино, стоящее на реке Яуширмä (*Джаужирма*).

²⁷ А. П. Ковалевский. 1) Чуваши и болгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана. Чебоксары, 1954, стр. 14, 18—19; 2) Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу. Харьков, 1956, стр. 131, 139, 225.

²⁸ Л. Т. Махмутова. Фонетические особенности касимовского говора татарского языка. Материалы по диалектологии. Казань, 1955, стр. 141.